

Переводы богослужения на современные языки

*Интервью со свящ. Георгием Кочетковым, С. Паренти,
Е. Велковска, П. Василиадисом, А. Г. Кравецким, А. В. Субочевым*

Тема языка богослужения и богослужебных переводов в Русской православной церкви начала активно обсуждаться еще во второй половине XIX — начале XX в., в том числе в связи с подготовкой Поместного собора 1917–1918 гг. Однако дискуссия была остановлена на все время советской власти и возобновилась только в 90-е годы XX в. Вопрос о переводах богослужения на современные языки важно рассматривать в историческом контексте, с учетом опыта других поместных церквей. Требуется соборное обсуждение богословских, филологических, культурных, пастырских проблем, возникающих при переводе тех или иных богослужебных текстов, а также совместный поиск путей их разрешения. Вопрос о языке богослужения тесно связан с вопросом границ церковного собрания, полнотой ответственности и участия мирян в таинствах церкви, а поэтому он также напрямую связан с вопросами возрождения и обновления церковной жизни. В интервью собраны ответы литургистов, филологов, катехизаторов и переводчиков богослужения, которые на исторических примерах и современном опыте переводов рассматривают положительные и проблемные стороны этой темы.

ключевые слова: литургия, язык богослужения, современные литургические переводы, переводческая деятельность Кирилла и Мефодия, церковное собрание, литургическое возрождение.

ВОПРОСЫ

1. *Что в истории церкви являлось и что является сейчас основным движущим импульсом для перевода богослужения на родные для молящихся языки?*
2. *Какие исторические примеры переводов богослужения на национальные языки кажутся Вам наиболее значимыми? Почему? Какие принципы перевода богослужебных текстов сложились в различных переводческих традициях?*
3. *Как, на Ваш взгляд, вопрос о языке связан с вопросом о границах церкви, об участии клириков и мирян в церковном собрании, церковном управлении, с полнотой их участия в таинствах?*

4. *Какие богословские, филологические, культурные, пастырские проблемы возникают при переводе тех или иных богослужебных текстов? Какие пути разрешения этих проблем существуют?*
5. *Какие возможности открывает, а какие, может быть, «закрывает» перевод богослужения на современные языки?*
6. *Почему вопрос о переводах богослужения на современный язык в истории церкви и сегодня вызывает сопротивление?*

Священник Георгий Кочетков

канд. богословия, главный редактор журнала «Вестник Свято-Филаретовского института», основатель и духовный попечитель Преображенского братства

1. Вопрос перевода — это вопрос живого предания церкви, это вопрос того, насколько наше церковное предание может себя явить живым или не живым. Церковное предание всегда развивалось, раскрывалось и продолжает раскрываться, хотя канон книг Ветхого и Нового заветов закрыт. Но предание никто закрыть не может — это веяние Духа, это живая жизнь Духа в Церкви, живая жизнь смыслов, место действия Слова. Христос действует, как божественное Слово или богочеловеческое Слово, и мы должны уважать и божественную, и человеческую природу Слова, так же как мы почитаем Христа и как совершенного Бога, и совершенного Человека. Мы должны утверждать необходимость такого перевода в церкви, который передавал бы смыслы духовного откровения, и потому вопрос перевода — это принципиальный вопрос для церкви.

Иногда приходится слышать: «Это второстепенный вопрос. Вы не знаете, сколько людей придет в церковь, если вы переведете богослужение на современный язык». Но смысл перевода не в этом. Перевод — это вопрос миссионерский и катехизический во вторую или в третью очередь. Да, он нужен и для миссии, и для катехизации, но все-таки не в первую очередь. В первую очередь это нужно самой церкви, чтобы она была самой собою.

Поэтому перевод — это всегда вопрос не просто красоты. Да, мы красоту ценим, но красота не высшее благо в церкви. Высшее благо в церкви — дух и смысл. Смысл с большой буквы и Дух с большой буквы, к полноте которых мы должны стремиться в своей жизни и в истории, приближает нас к Царству Небесному, именно это делает Церковь собою, потому что соотносит ее имен-

но с откровением Небесного Царства. Именно это нас влечет к Царству Небесному и раскрывает дары Царства уже здесь, на земле — в ту меру, в какую это возможно в истории.

2. Конечно, переводческая проблема стояла перед исторической церковью всегда. В любые времена могли появляться гениальные переводы, а могли быть и ошибочные, стилизованные. Переводчики молитв, которыми мы сегодня пользуемся в церкви, были людьми разной квалификации и разных дарований.

В Русской церкви активная работа по переводу богослужения с церковнославянского на русский язык велась в XIX и в самом начале XX в. Известны многочисленные переводы, сделанные в целях изъяснения и научения, предназначенные для домашнего чтения, для церковноприходских школ¹. К собору 1917 г. Русская церковь подошла в нормальной, адекватной готовности к тому, что перевод нужен и возможен. Были уже пробы, было на что опираться. Эти переводы совсем не были идеальными, но все-таки это было именно русское богослужение, а не «изъяснение на русском наречии».

Вскоре все было закрыто, все было уничтожено властью. Но и в условиях гонений на церковь переводческая деятельность не прекращалась. В 1920-е и даже в 1930-е гг. переводами занимался, например, о. Феофан (Василий) Адаменко [Адаменко 1924; Адаменко 1925; Адаменко 1927 и др.]. У него были помощники. Да, эти переводы сейчас использовать уже нельзя, но они — памятник подвигу настоящего святого человека, который понимал, что надо церкви, и делал все для того, чтобы ответить на призыв Божий, на нужду церкви.

Конечно, нужно вспомнить Сергея Сергеевича Аверинцева, с которым нам доводилось работать вместе. Он был переводчиком-интерпретатором. Его переводы не абсолютно буквальные, но совершенно правильные в смысловом отношении, они обогащают традицию, вносят в нее новые обертоны, смыслы, которые очень церкви нужны.

Приведу конкретный пример. Я думал, как перевести фразу «пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию...». «Приснодева» — бук-

1. Можно назвать переводческую деятельность прот. Михаила Богословского, прот. Иоанна Колоколова, архиеп. Никандра (Покровского), Е. И. Ло-

вягина, прот. Михаила Боголюбского, прот. Василия Нечаева, прот. Александра Невоструева, прот. Иоанна Бухарева и др. [Котт, 26].

вально «всегда-дева». Это соответствует решениям III Вселенского собора: до Рождества, в Рождестве и после Рождества — дева. Я очень долго искал, меня не устраивала «всегда-дева». Одно время я читал так, но каждый раз спотыкался на этом. Я обратился за помощью к Сергею Сергеевичу, и спустя долгое время, он мне вдруг предложил: «А давайте — вместо Всегда-дева — Вечнодева». Я сразу понял, что он имеет в виду, сразу вспомнил все дискуссии о вечной женственности и девственности в начале XX в. Это было гениально! Я, конечно, тут же это с радостью принял. Потому что «всегда» — это еще что-то слишком земное. Но здесь есть еще некоторый духовный смысл, и любой догмат существует ради него, а не просто ради рационально-житейского объяснения. Это, по-моему, прекрасный пример того, как перевод может наращивать смыслы.

Что еще важно было бы сказать в связи с проблемой перевода и его принципов?

Перевод должен всегда обновляться. Но выбирать нужно не тот перевод, который кажется более поэтичным, а тот, который точно передает смысл оригинала.

При этом нельзя делать просто толковательный, экзегетический перевод. Это такая форма перевода, когда, чтобы правильно перевести текст, переводчик добавляет какие-то слова, связанные с осмыслением. Чаще всего это искажает и во многих случаях даже меняет смысл.

Мне кажется, очень важно, чтобы переводы делали многие люди, чтобы можно было сравнить, посмотреть, чтобы у церкви была возможность выбрать лучший вариант для употребления. Это значит, надо делать так, чтобы в церкви было как можно больше желающих переводить компетентно, последовательно, качественно церковные богослужебные тексты, все чинопоследования.

Конечно, перевод должен быть соотнесен и с церковным собранием. Когда я читаю свои переводы, я как бы стараюсь услышать их ушами всех присутствующих, изнутри собрания. Я чувствую реакцию слушателей: где люди заморожены, где они действительно молятся и включены полностью, а где люди начинают отвлекаться.

Перевод должен иметь свою динамику (*δύναμις*), потенциальную силу, которая вот сейчас начнет действовать. Очень важно стимулировать действенность молитвы. Мы должны добиться того, чтобы в церкви ничто не говорилось впустую, не оставалось бездейственным.

3. Мне очень важно стимулировать действенность молитвы, и порой разный порядок слов или побуждает человека к действию, или не побуждает.

Сейчас службы у нас несоразмерно длинные, они не соответствуют ритму жизни современных людей, и во время богослужений люди невольно отвлекаются, отключаются. Даже когда перед их глазами русский текст, книжка, и то им нужно прилагать большие усилия, чтобы не отключаться и не теряться в этом огромном пространстве многообразных текстов, с огромным количеством разных вставок, не всегда оправданных.

Богослужение на русском языке также должно быть понятно для оглашаемых. Нельзя людей вести в церковь и от них ожидать полноценного участия в богослужении, в церковной жизни вообще — во всех ее сторонах, не только молитвенной, но и в области веры и жизни, — если они не будут понимать того, что происходит. Сама катехизация есть прояснение смыслов для людей, желающих стать христианами, членами Церкви, введение в живое Предание, в жизнь Духа.

И, конечно, право решать, на каком языке служить в храме — на русском, украинском, белорусском, славянском или другом — должно быть у каждого архиерея и у каждого прихода или общины и братства. Те решения, которые были приняты по этому вопросу на Поместном соборе 1917–1918 гг., вполне достаточны, о чем и говорил, скажем, в своей речи в Твери митр. Савва (Михеев) [*На встрече с паствой*]. Но решать нужно не по прихоти какой-то маленькой кучки людей — крикунов, мракобесов. Решать нужно соборно. А для того, чтобы было принято соборное решение, нужно, чтобы Церковь была как-то собрана, чтобы она существовала как община, а не только как приход: захотел пришел, захотел ушел. Но пока этого нет, поэтому нельзя решить сейчас этот вопрос. Когда кто-то выступает и говорит: мол, а я не хочу! я прихожанин этого храма и не хочу изменений — нужно спросить: а на основании чего ты утверждаешь, что ты прихожанин этого храма? и почему ты здесь чего-то хочешь или не хочешь? Ответь, пожалуйста, на эти вопросы, обоснуй свою позицию.

4. Мы должны спокойно относиться к тому, что в процессе перевода что-то требуется сокращать, что-то передавать в архив церковной памяти, а что-то, напротив, оттуда извлекать или переосмысливать. Иногда со временем терялось лучшее, а на это место

становилось не лучшее. Иногда из-за неправильности перевода терялся смысл.

Приведу мой любимый пример — это литургический возглас после анафоры: «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно смети призывать Тебе, Небеснаго Бога Отца, и глаголати» [Служебник, 145]. Как можно так было перевести? По-гречески там все правильно, по-гречески слово «призывать» означает и «именовать», «называть». Но в славянском переводе было выбрано почему-то «призывать Тебя <...> Отца». Сколько раз Его уже призывали, сколько молитв Ему приносили! Этот возглас звучит после анафоры, которая сама обращена к Отцу — в нашей восточной традиции практически всегда. Как можно, если мы только что призывали, еще раз призывать? Это нонсенс, это разделяет разные части литургии неоправданным образом. Вот «именовать Тебя, Небесного Бога, Отцом» — это более разумно [ЛБ, 75]. После анафоры мы имеем полное право просить Бога удостоить нас именовать Его Отцом, т. е. чувствовать себя Его чадами, потому что мы только что совершили таинство благодарения Отцу за Сына во Святом Духе, за Церковь, и за весь мир, и за откровение Царства. И это прекрасно, это последовательно, это замечательно!

В процессе перевода приходится решать и богословские, и литургические вопросы. Вот скажу, например, об одной вещи, которая тоже выявилась как важная проблема: к кому обращена наша молитва и какое действие за ней должно следовать? Это два принципиально важных момента. Очень важно, чтобы люди понимали, о чем они молятся, потому что если люди не понимают, то значит и никакого действия из молитвы произойти не может, т. е. молитва оказывается бездейственной, т. е. пустой, пустым словоизвержением, можно даже сказать словоблудием.

Но и другой вопрос. А к кому молитва обращена? Она обращена к Отцу, или ко Святой Троице, или ко Христу, или к Духу Святому, к Богоматери, к святым? Не надо эти вещи путать. Всем надо понимать, что любая молитва в конце концов восходит к Отцу и существует ради этого восхождения к Отцу. Именно любая! Не только молитвы к святым и Богоматери. Мы и их просим ходатайствовать за нас перед Христом, чтобы Христос ходатайствовал перед Отцом. Но даже когда мы обращаемся прямо ко Христу и Духу Святому, мы и их называем ходатаями. А перед кем они ходатаи? Опять же перед Отцом.

Это вопрос нашей веры, самый центральный вопрос нашей веры. Веры в единого Бога, в то, что мы, прежде всего, поклоня-

емся Богу-Отцу. Да, через Христа! Да, во Святом Духе! Да! Да, в Церкви, и значит, в единстве с Божьей Матерью, со святыми и со всем Божьим миром. Это мне открылось — и это было для меня, надо сказать, потрясением. Потому что есть такие церковные тексты, где все перепутано, где обращение молитвы относится к одному из лиц Святой Троицы, хотя возглас часто относится уже к другому лицу.

Это прояснение оказывается очень необходимо при переводе. Переводчик должен эти вещи чувствовать, понимать. Он не может просто механически переводить, тем более что есть еще много исторических ошибок в самих церковнославянских переводах: просто ошибок, просто неправильных переводов.

5. Богослужебные тексты могут нас учить жизни в вере и молитве.

Нам важно сегодня подвести итог двухтысячелетнему периоду развития закона молитвы церкви, прежде чем мы начнем новое творчество, написание новых молитв, новых чинов. Вот это подведение итогов обязательно должно быть. И вот такую задачу мы тоже, и я в частности, перед собой ставили и ставим. Нужно как бы собрать все, подвести итог, прежде чем начать то, что больше соответствовало бы условиям жизни церкви в постконстантиновский период ее истории.

6. Очень негативную роль в современной церковной жизни играет отсутствие культуры в церкви. Мы часто сталкиваемся с фундаментализмом, невежеством, мракобесием, люди не воспринимают действие Духа Божьего в церкви как непрерывное обновление жизни, обновление самой церкви. Они не воспринимают действие Слова Божьего, Христа, как возможность явления богочеловеческой жизни. Они не воспринимают Его как возможность развития. Им кажется, что если догматы утверждены и незыблемы, если Священное писание закрыто, то значит, и все закрыто. Отсюда обрядоверие и боязнь хоть что-то поменять в церкви — мистическая боязнь, суеверие. Именно суеверие, тщетная вера. Но тем не менее это тоже вера. И поэтому так трудно бороться с этими современными сектантскими тенденциями. Люди, приверженные им, вроде бы выступают за чистоту веры, за сохранение полноты православного учения, но при этом часто делают это совершенно не по-христиански, повреждая как раз откровение Духа и Слова, закрывая его, не давая возможности Богу действовать в Церкви, в людях, в себе самих, в конце концов.

И те люди, которые сейчас выступают, скажем, против переводов на современный русский литургический язык, — они не понимают, что они фарисеи, что они фундаменталисты, что они гасители духа. Хотя в писании говорится: «Духа не угашайте, пророчества не унижайте!»^{*1}.

*1 1 Фес 5:19

Надо трудиться, надо действовать и надо стараться делать это церковно и качественно — и с точки зрения литературного перевода, и с точки зрения богословского и духовного смысла богослужебных текстов. Нужно, чтобы как можно больше людей старались это делать, не стилизуясь, поскольку главная опасность здесь — мертвая стилизация.

Стефано Паренти

д-р восточных церковных наук, профессор Регенсбургского университета

1. В истории импульсы для перевода богослужения были многообразными и иногда взаимодополняли, а иногда исключали друг друга. По своей природе богослужение — это общественный обряд, в котором группа людей выражает свою христианскую и культурную идентичность, и использование определенного языка увеличивает этот идентификационный аспект. Это верно прежде всего для прошлого, но нельзя забывать, что перевод богослужебных текстов — только часть более широкой деятельности по переводу Священного писания и святоотеческой литературы, иначе говоря, переводу всей христианской культуры. Что касается христианского Востока, самый древний пример переводческой деятельности — Армянская апостольская церковь, а потом, разумеется, церкви, опирающиеся на наследие свв. Кирилла и Мефодия. Но, по иронии судьбы, именно те церкви, которые впервые поддержали переводческую деятельность, потом оказались пленниками языка, со временем ставшего мертвым.

Другой фактор, благоприятствующий переводам в более близкое к нам время, также связан с идентификационным аспектом. Можно назвать, например, переводы богослужебных текстов во франкоязычной среде (Франция, Бельгия) или в Великобритании. Эти переводы сделаны внутри русской эмиграции, чтобы облегчить восприятие людьми, обращающимися в православие, и создать англоязычные и франкоязычные приходы.

Третий фактор скорее культурного типа: перевод богослужебных текстов как средство познакомить Запад с духовным на-

следуем Православия. Такие инициативы обычно проводились внутри Римско-католической церкви, особенно в период социализма, также и для того, чтобы обрести духовное понимание и сопричастность с преследуемыми христианами.

Четвертый фактор можно определить как богословский. Перевод необходим, потому что, как пишет апостол Павел, произнесение слова «аминь» каждым верным, подтверждающее общую молитву, должно быть сознательным: «Если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет: “аминь” при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь»^{*1}. В этой связи интересно заметить, что, несмотря на такое недвусмысленное утверждение Нового завета о необходимости понимания богослужения каждым молящимся, церковная иерархия все-таки остается безразличной к необходимости переводов.

*1 1 Кор 14:16

2. С точки зрения эстетики очень восхищаюсь трудом о. Дени Гийома, который в течение тридцати лет сам перевел на французский язык и опубликовал все православные богослужебные книги, а также составил службы новым святым. Эти переводы задуманы для церковного пения и соотнесены с многоголосными русскими, а также и греческими мелодиями. Результат очень значимый. Естественно, ограниченность этой работы связана с тем, что она проделана только одним человеком. Другой хороший пример, единственный в своем роде, — это служебник, изданный в Болонье в 2014 г. [*Sluzhebnik*]. Книга содержит перевод Валерио Полидори на итальянский язык Божественных литургий свт. Иоанна Златоуста и свт. Василия Великого, изданный по благословению временно управляющего приходами Московского патриархата на Итальянской земле архиепископа Егорьевского Марка. Перед текстом перевода размещено двадцатитрехстраничное предисловие с тридцатью сносками, в котором переводчик разъясняет «проблему методологии», «переводческие критерии», «герменевтику», понятность текста, семантический спектр, использование неологизмов, ритм и тому подобные аспекты, связанные со спецификой итальянского языка. Текст подготовлен церковной комиссией и одобрен двумя внешними экспертами из академической среды. Единственным ограничением (чтобы не сказать недостатком) работы является абсолютная верность церковнославянскому тексту, даже когда он удаляется от греческого оригинала.

3. Кажется необходимо уточнить: без сомнения, служение на живом языке благоприятствует более ответственному участию в церковной жизни, но нельзя обманывать себя, полагая, что это средство для решения всех трудностей. Найдется много людей, выходящих из храма после Божественной литургии, которые не смогут сказать, о чем были чтения из Апостола и Евангелия, даже если эти чтения будут на живом языке. Перевод богослужебных текстов, особенно молитв, помогает понять настоящую роль священнослужителей, которые уже не кажутся механическими повторителями формул, гарантирующих абсолютную эффективность. Перевод делает ясной церковную природу богослужебной молитвы, и это, в долгосрочной перспективе, создает новый тип отношений. Помню, один раз священник нервно ответил одной образованной и воспитанной женщине, спрашивающей что-то о молитве, которую она очевидно не понимала: «Что ты хочешь понять, молись и все!». Перевод — единственный способ понять, в церковном смысле, несостоятельность некоторых выражений из обрядной культуры слишком далекого прошлого и, соответственно, найти новые формы и эквиваленты.

4. Вопрос связан с очень серьезной проблемой. На самом деле, прежде чем думать о том, как переводить, лучше сначала подумать о том, что перевести. Современные греческие и славянские богослужебные книги содержат немало ошибок и несоответствий, заметных только при знакомстве со специализированной научной литературой, причем надо сказать, что доступные исследования не очень многочисленны. Нужно признать, что в последние годы Греческая церковь прикладывает много усилий, чтобы публиковать книги, по крайней мере, без самых грубых ошибок. К тому же перевод выставляет возможные слабости богослужебных текстов, даже когда они филологически правильные. Не вся гимнография, сохранившаяся в богослужебных книгах, написана на уровне свв. Романа Сладкопевца, Андрея Критского и Иосифа Песнописца. Есть, например, банальные и повторяющиеся тропари. Иногда проблемы затрагивают богословие. Так, в анафоре свт. Иоанна Златоуста среди плодов причастия упоминается «исполнение Царства Небесного» — по расширенному тексту, утвердившемуся в XI в. Однако самые древние греческие и славянские тексты просят только об «исполнении Царства», и обоснованно — Царство Небесное испрашивается для мертвых, а не для живых. Чтобы разрешить эту и другие подобные пробле-

мы единственно возможным представляется прибегнуть к научным исследованиям текстов или, если таких нет, прямо к источникам. Очень полезно и необходимо также проводить работу по переводам коллегиально, а не в одиночку, и избегать полагаться только на самого себя.

5. Не вижу особенных «закрываний», а наоборот, возможные «открытия». Богослужebное наследие не статично, а динамично. Язык необходим не только для перевода, но и для создания, для составления прямо на современном языке новых служб, например, в память местных святых или праздников, разумеется, с благословением компетентных церковных властей. Единственное условие — чтобы используемый язык имел богатую религиозную традицию с соответствующей лексикой и языковыми оборотами.

6. Начнем с того, что среди православных церквей тех, которые используют частично или полностью современный язык в богослужении, значительно больше по сравнению с теми, которые этого не делают или даже запрещают. Очень часто неотступная защита формы, унаследованной из прошлого, — только знак более глубоких форм сопротивления. Но и в этом случае нет однозначных объяснений, и то, что влияет больше всего, — фактор идентичности. Как-то видел видеоролик в ютубе с записью вечерни в греческом селе, которую служил епископ Волоса Игнатий. Три чтения из Ветхого завета должны были читаться на новогреческом языке, но чтец не смог закончить даже первое. Присутствующий народ взбунтовался против чтеца и против самого епископа, требуя с криками чтения на греческом языке Септуагинты, очень мало понятном для среднеобразованного грека. Очевидно, что для некоторых непонимание богослужebного языка — форма идентичности.

Елена Велковска

д-р восточных церковных наук, профессор факультета филологии и критики классических и новых литератур Университета Сиены

1. Отвечу, опираясь на опыт перевода богослужения с греческого на славянский язык, начавшегося с деятельности свв. Кирилла и Мефодия в IX в. Два фактора были основным движущим

импульсом для первых славянских переводчиков: пастырский и политический. Пастырский фактор описан в «Житии» Мефодия, первоучителя славян, — в просьбе Ростислава, князя недавно крестившегося моравского народа, византийскому императору:

...Нет у нас [славян] (никого), кто бы нас наставил истине и дал нам знание. Так, добрый владыка, пошли такого мужа, который нас наставит всякой правде [*Житие Мефодия*, 96].

Политический фактор ясно прослеживается в параллельном месте жития св. Кирилла, брата св. Мефодия:

...Нет у нас [славян] такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру, чтобы и другие земли, глядя на это, уподобились нам. Так пошли нам, владыка, епископа и учителя такого [*Житие Константина*, 87].

Здесь видна забота о том, чтобы славянский пример перевода христианских книг на доступный язык стал зна́ком не только принадлежности славян к первенствующим крещеным народам, но даже увлек бы и новые народы по этому пути.

Более близкий к нашему времени пример перевода богослужения на современные языки — это активно ведущаяся после II Ватиканского собора 1962–1965 гг. работа по переводам текстов богослужения римского обряда с латинского на живые языки. В соответствующем соборном декрете мотивация этого перевода пастырская: «Использование современного местного языка нередко может оказаться весьма полезным для народа»^{*1} [*Документы*, 31].

^{*1} *Sacrosanctum Concilium*. 36

2. Очень значимыми примерами являются позднеантичные и средневековые переводы Священного писания и богослужения с греческого на языки народов, принимавших христианство. О них говорят слова жития св. Кирилла Философа, первоучителя славян:

Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу Богу каждый на своем языке. Известно, что таковы: армяне, персы, абхазы, грузины, согдийцы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и иные многие [*Житие Константина*, 89].

Для многих из этих народов перевод явился началом не только их церкви, но и их культуры, государственности, самой их духовной и национальной идентичности.

Что касается принципов перевода богослужебных текстов в славянском средневековье, можно четко проследить смену переводческой концепции. В самый первый период святые солунские братья и их ученики старались переводить интерпретативно, поэтому древнейшие тексты позволяют себе удаляться от буквального значения, чтобы сохранить смысл. В следующие периоды, и особенно с XIV в. и далее преобладают буквальные переводы, стремящиеся сохранить форму греческих оригиналов вплоть, например, до неестественного для славянского языка порядка слов в предложении. Такие переводы иногда оставляют впечатление, что книжники их делали слово за словом, не вникая в смысл и порой не очень его понимая.

3. В недавнем прошлом владение священным языком было прерогативой клира и фактически исключало мирян из активного участия в церковной жизни, являясь как бы зна́ком причастности к управленческой элите. Относительно таинств можно привести такой пример: как можно представить себе эвентуальные вопросы или замечания принимающего исповедь на незнакомом для исповедующегося языке? Например, в древнейших латинских сакраментариях средней Европы (Великой Моравии) сохранились глоссы, переводящие на славянский язык формулы и термины, используемые германоязычным духовенством на исповеди. Общность языка для всех членов церкви — необходимое условие для полной коммуникации между ними, как для любого естественного языка. Что такое церковь? Теоретически это община всех крещеных, которые стремятся к спасению посредством церкви как институции. Это отражается и в терминологии: клирик — это церковнослужитель, понятие, которое уже давно утратило свое этимологическое происхождение члена христианской общины, служащего своим братьям. Постепенная «клерикализация» христианских общин, из которой следует разделение клириков и мирян, очень древний процесс, начало которого можно приурочить к признанию церкви при Константине Великом. Многие реформы в истории поместных церквей связаны с желанием преодолеть этот разрыв.

4. Ярким примером того, как непросто переводить богослужение на современный язык, является Международная комиссия по английскому языку в литургии (*ICEL*). Она работает с 1963 г. и пока издала не менее трех переводов только римской евхаристической литургии, мессы, ни один из которых не окончателен. Каждый перевод отвечает разным критериям, поэтому есть переводы скорее буквальные или, наоборот, толковательные. Оживленные споры во время заседаний и неодинаковые позиции участников не позволяют и до сих пор произвести единодушно принятого всеми странами текста.

Чтобы вернуться к славянской проблематике, приведем маленький пример филологической неточности перевода паралитургического текста с греческого на славянский язык, имеющей немаловажные культурные и духовные последствия. В молитве св. Ефрема Сирина греческое слово *περιεργία* переводится как «уныние», соответствующее, скорее всего, греческому духовному термину *ἀκηδία*. *Περίεργία* не «уныние», а скорее наоборот: суетливость, хлопотливость, любопытство — семантическое поле, достаточно далекое от предложенного. Можно представить себе, как важно для славяноязычного христианина беречь себя от уныния во время Великого поста, и это не соответствует тому, от чего воздерживается грекоязычный христианин в этот же период.

Как и все вопросы такого характера, и этот должен решаться путем серьезного научного изучения текстовой и духовной традиции данной молитвы, что, по крайней мере, для греческого текста, еще не сделано.

5. Очень ценное последствие эвентуального перевода на современный язык, если это сделано на основе серьезного изучения текстов, — уточнение самого текста и создание его истории, являющейся историей духовной традиции данного народа. Естественно, пастырские последствия такого действия подразумеваются сами собой. Что «закрывается» переводом, так это прямой доступ к богатству собственной языковой традиции, который требует усилий, но оплачивается расширением сознания собственного прошлого. Но этот процесс преодоления и расставания с прошлым связан с необходимостью дойти до большего числа верующих, которые не склонны прилагать такие усилия.

6. Нельзя обходить молчанием простую инерцию: священнослужители уже усвоили, не без усилий, древний богослужебный

язык, привыкли к нему, научились восхищаться его красотой и хотели бы довести все это до верных. Когда в Болгарии в конце 60-х гг. XX в. специальная Синодальная комиссия по переводу богослужения на болгарский язык (состоящая из епископов и экспертов-филологов по греческому и славянскому языкам) стала издавать новые официальные богослужебные книги параллельно по-церковнославянски и по-болгарски, многие священнослужители, особенно пожилые, не приняли переводы просто потому, что привыкли к знакомому церковнославянскому тексту. Многие же молодые с энтузиазмом стали употреблять только болгарский текст. В наши дни Божественная литургия и служебник издаются двуязычно, и это оставляет свободу выбора клирикам, часто предпочитающим болгарский язык для совершения таинств.

Более серьезная причина неприятия переводов — та, что упоминалась в ответе на предыдущий вопрос: боязнь расставания с богатой традицией, на которой строится и само настоящее. Широкое распространение переводов неминуемо доведет до точки невозврата к собственному прошлому. Это естественный процесс, но, как каждое расставание, он болезненный.

Петрос Василиадис

д-р богословия, руководитель аспирантуры факультета православно-экуменического богословия Международного греческого университета, почетный президент Центра экуменических, миссиологических и экологических исследований (CEMES)

1. Существует большая разница между ранней практикой церкви в отношении перевода всех видов церковных текстов, в том числе используемых в богослужении, и практикой современной, недавней, особенно в материнских церквях-митрополиях. Эта практика стала основной причиной разногласий между церквами древнего и нового Рима, между Римом и Константинополем, в эпоху миссионерской деятельности на территории славянских народов. Для святых Кирилла и Мефодия в их миссии в Моравии основной задачей было использовать язык, который могли понимать новообращенные в христианство, в то время как реакцией более традиционного западного христианства было сохранение трех, как они полагали, священных (сакральных) языков: иврита, греческого и латинского; при этом они не придавали должного значения тому, чтобы осмысленное богослужение в церкви спо-

собствовало духовному просвещению людей. Как это ни парадоксально, но сейчас такого консервативного, более традиционного, если хотите, западного подхода придерживаются как раз православные церкви.

2. Наиболее значимыми примерами перевода богослужебных текстов на разговорные и понятные языки являются переводы, осуществляемые в православных диаспорах и на новых миссионерских территориях. Неслучайно ни одна традиционно православная страна до сих пор не осмелилась даже подумать о том, чтобы начать процесс перевода своих литургических текстов для использования в ежедневном богослужении. Очевидно, что такие страны, как Греция, Россия, Кипр, Грузия в силу традиционно тесных связей церкви с государством подспудно предпочитают сохранять скорее свою культурную, чем религиозную (православно-христианскую) идентичность. И даже те православные автокефальные церкви, которые используют в литургии современный язык, в основном применяли *формальный* (дословный), а не *динамичный* (смысловой) способ перевода.

3. Перевод богослужебных текстов и постоянное использование переводов на литургии — это начало движения к целостному литургическому возрождению. Это первый шаг к открытию миссионерского измерения и эсхатологического характера христианской литургии. Существует два основных понимания литургии. Согласно первому, литургия является *частным* делом, обрядом, имеющим целью удовлетворение определенных религиозных потребностей: для церковного руководства это реализация властных полномочий и осуществление контроля над членами церкви, а для обычных верующих — личное искупление, оправдание и освящение. Такое понимание литургии я бы назвал *правовым*, или *юридическим*. При таком отношении к литургии любая реформа или любое изменение вообще может привести к краху всей системы, опирающейся на так называемые *канонические границы* церкви. Согласно второму пониманию, литургия является средством созидания церковной общины, которая подсознательно воспринимает (хотя бы в миссионерских целях, если ни в каких-либо других) *харизматические границы* Церкви. И здесь церковь уже воспринимается не как институция, не как культовое учреждение, но как общность (κοινωνία) и как образ жизни. Этот второй взгляд на литургию я называю *общинным*, когда то, что

называют *литургией после литургии*, имеет такое же или даже большее значение, чем сама литургия. Именно здесь *царственное священство* (как духовенство, так и миряне) может осуществлять свою ответственность за церковь на основании крещальной или общинно-братской экклезиологии, т. е. тех направлений в богословии, которыми сегодня, к сожалению, часто пренебрегают и которые пытаются маргинализировать.

4. Любой переводческий проект, особенно литургический, должен учитывать, что с культурно-филологической точки зрения (но не с богословской или пастырской) текст оригинала не может быть полностью передан на каком-либо другом языке, даже на том, который является продолжением языка оригинала (как древнегреческий или койне по отношению к современному греческому или демотики; даже как старославянский по отношению к русскому или сербскому и т. п.). Однако с богословской точки зрения, в частности по пастырским и миссионерским соображениям (и особенно с точки зрения внутренней миссии), осмысленное богослужение — это первейшее условие, *sine qua non*, для нашего христианского самосознания.

5. Никакие возможности переводом не закрываются, как бы радикально это ни звучало. Православная литургия, несмотря на переживаемое во втором тысячелетии «вавилонское пленение» ее подлинного смысла и глубины, доходящее в некоторых случаях до идолопоклонства и магии, все же не является самоцелью, вещью в себе. Напротив, это реальное продолжение спасительного события божественного промысла — боговоплощения, совершенного раз и навсегда Христом, Главой Тела Христова, вторым Лицом Святой Троицы, и осуществляемого теперь Его «Телом» (Церковью) до конца времен через Духа Святого, посланного как Утешитель (как засвидетельствовано в Евангелии от Иоанна, что будет послан «другой Утешитель», т. е. не Сын) и исходящего от Отца. Все это совершается в рамках божественной икономии Святой Троицы.

6. Перевод богослужебных текстов встречает и всегда будет встречать сильное противодействие из-за неправильного представления о том, что такое настоящая (православная) литургия. Поскольку это первый важный шаг к литургическому возрождению, это вполне естественно. В постановлении Всеправославного

собора говорится о том, что церковь существует не для себя, а для всего мира; а это значит, что без миссионерского измерения в нашей бесценной литургической традиции церковь уже не церковь. Литургия и миссия тесно взаимосвязаны, что ясно выражено в концепции *литургии после литургии*. Литургическое возрождение нужно не из сентиментально-ностальгических соображений, но для того, чтобы заново открыть, что есть Церковь — реальный *Народ Божий, Тело Христово, общение Святого Духа*, иными словами, это задача *экклезиологическая*. Правовое (или юридическое) понимание литургии, кратко описанное мною выше, предполагает религиозную систему, которая с точки зрения экклезиологии рассматривает церковь как институт с жесткой иерархической структурой и утвержденным кодексом этических принципов. Это влечет за собой ряд определенных обязательств, которые должны выполнять все члены религиозной системы. Следовательно, все литургические акты (собственно таинства, *sacramentalia*, обряды различного рода, дневной, недельный и годовой цикл богослужения и т. д.) являются средством, необходимым человеку для обретения божественной благодати и, в конечном итоге, спасения посредством личного искупления грехов, оправдания и душевного отдохновения. В таком понимании литургии Бог уже не любящий Отец, проявляющий сострадание к грешникам, а, как говорил Зигмунд Фрейд, отец-садист, требующий подчинения своей воле. Вот почему это поощряет и фактически способствует резкому разграничению между различными сегментами религиозного общества (духовенство и миряне, мужчины и женщины, монашество и миряне, духовники, старцы и т. п. и простые послушники (ὄλοτακτικοί) и т. п.), тем самым подчеркивая масштабы господства и подчинения. В конечном итоге это способствует поддержанию социальной структуры не только внутри самого религиозного сообщества, но и, в более широком смысле, в общественной жизни. С другой стороны, согласно общинному пониманию литургии, целью всего богослужения в целом является не приведение верующих в состояние добродетели, не личное душевное успокоение и самодостаточность. Если можно здесь говорить о церковной этике, то эта этика направлена скорее на осознание *Истины*, а не на *добродетель* *^{1,2}. При таком понимании литургическое возрождение является возможным, но и обязательным условием (*sine qua non*) существования церковного собрания. Чтобы понять

*¹ *Maxim. Conf. Ad Thalassium // PG 90. Col. 369 A*

2. См. также: [Zizioulas, 67 ff; Зизиулас, 62 сл.].

основную причину усиленного сопротивления переводу богослужебных текстов, мы должны признать, что общинное понимание литургии предполагает антиструктурное понимание церкви, где отдается предпочтение *общению* перед *структурой*, хотя при этом, безусловно, никакие виды структуры в церковном собрании не отменяются. Как пронизательно заметил Виктор Тёрнер, между структурой и общением (или общиной — *communitas*) существует диалектическое соотношение, ибо во время подлинной литургии мужчины и женщины «освобождаются от структуры и переходят в общение (общину — *communitas*), для того чтобы потом вернуться в структуру, оживленную их опытом общения» [Turner, 128 f].

Александр Геннадьевич Кравецкий

канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им В. В. Виноградова РАН

1. В Средние века основным стимулом утверждения национального языка в качестве богослужебного было стремление к культурной и политической самостоятельности. Так, переводческий эксперимент Кирилла и Мефодия получил общеславянское значение не в Моравии, где проповедовали солунские братья, а в Болгарии, где царь Симеон стремился к тому, чтобы болгарская культура развивалась независимо от греческой.

В Новое время переводческая практика не могла не учитывать опыта Реформации и Контрреформации. Если в Средние века книжные справщики боролись за «правильность» богослужебных книг и не ставили задачи сделать текст более понятным для верующих, то в Новое время ценностные критерии изменились. Теперь литургические переводы решают задачу понятности текста, а не его правильности.

2. Не знаю, каким образом можно сравнивать переводческие традиции и говорить о более или менее значимых. Как мы знаем, средневековые переводы дали возможность возникновения национальных литературных традиций (армянской, славянской, грузинской). Переводы Нового времени являются миссионерскими в современном значении этого слова.

3. Мне кажется, что перевод — это не более чем инструмент. Сам по себе он не задает той или иной модели церковности. Концеп-

туальный характер переводу придает переводчик и то церковное сообщество, которому данный перевод адресован. Сейчас переводы ассоциируются скорее с идеями евхаристического возрождения и активного участия мирян в литургической жизни. Но из истории мы знаем, что активное участие мирян в жизни общины не обязательно связано с переводами.

4. Проблем возникает очень много. Назову лишь некоторые.

А) *Текстологические*. Перевод закрепляет лишь один вариант понимания текста. Между тем, один и тот же текст может существовать по-гречески и по-славянски, причем славянский текст далеко не всегда является точным переводом того варианта греческого текста, который представлен в современных богослужебных книгах. Поэтому встает принципиальный вопрос — с какого языка и с каких редакций следует осуществлять перевод? То есть считаем ли мы славянский текст более или менее удачным слепком с греческого или же исходим из того, что редактирование и переосмысление литургических текстов на русской почве является частью предания национальной церкви и именно на славянский текст мы должны опираться.

Б) *Объем переводов*. Славянское литургическое предание обширно и неравноценно. Имеется значительное количество достаточно слабых по качеству текста служб и молитвословий. Должны ли мы воспроизводить на русском языке весь церковнославянский литургический комплекс?

В) *Расширение или сокращение?* Переведенное на русский язык богослужение не может быть слишком продолжительным (учитывая темп современной жизни), но при этом недопустимы и сокращения, искажающие смысл. То есть параллельно с переводами необходимо, с одной стороны, создать продуманную систему сокращений, а с другой, следует решить, что делать с вновь составляемыми службами. Канонизация новомучеников и исповедников требует создания служб им, а это ведет к быстрому росту количества служб на каждый день. Как вместить весь этот материал в дневную службу, уложившись в не очень длительное время и сохранив ясность и прозрачность?

Г) *На какой вариант русского языка следует переводить литургические тексты?* Когда противники литургических переводов обвиняют переводчиков в том, что те вводят в храм язык улицы и магазина, сторонники утверждают, что в литургическую жизнь войдет язык Пушкина и Толстого. Но в какой степе-

ни язык русской классической литературы понятен современной молодежи? Уместен ли в переводах высокий стиль и языковая архаика?

5. Возможности, которые перевод открывает, очевидны. В первую очередь, это куда большая чем сейчас возможность понимать на слух богослужебные тексты и активизация личного молитвенного творчества прихожан. Правда, я не думаю, что этого можно достигнуть только переводами. Переводы сильно упростят жизнь тем прихожанам, которые действительно хотят понимать тексты, изучают богословие, литургику, поэтику богослужебных текстов и т. д. Те, кто этого не делает (а таких большинство), почувствуют разницу, но принципиальных изменений не почувствуют. Однако более подробно мне хотелось бы поговорить о прямых потерях. Во-первых, при переводе неизбежно пропадут очень многие словесные красоты и игры со смыслами. При переводе такое происходит всегда и тут ничего не поделаешь. Во-вторых, сокращение использования в церкви церковнославянского языка будет потерей для культуры. Дело в том, что русский литературный язык (в отличии, например, от сербского) вобрал в себя огромное количество славянизмов. Богослужение является одним из факторов, сдерживающих исчезновение славянизмов из языка. Конечно же, это проблема русской культуры, а не церкви. Вопрос о переводах оказывается тем вопросом, в котором интересы культуры и церкви не совпадают. Богослужение на русском языке — это в интересах церкви, а сохранение церковнославянского богослужения — это в интересах культуры.

6. Я думаю, здесь нужно отметить два момента. Во-первых, в церкви достаточно много людей, которые любят славянское богослужение и боятся его потерять. Я и сам отношусь к таким людям. Во-вторых, вопрос о языке уже давно превратился в маркер, по которому церковного либерала можно отличить от церковного консерватора. А поскольку баталии условных либералов с условными консерваторами ведутся с неизменным ожесточением, споры о языке богослужения часто превращаются в споры «остроконечников» с «тупоконечниками», т. е. в идеологические баталии, лишённые содержания. Именно эмоциональные реплики этих споров чаще всего попадают в социальные сети, СМИ и различные открытые письма, создавая постоянный информационный шум.

Алексей Викторович Субочев

миссионер-катехизатор, публицист, создатель и координатор портала «НаследиеСвятых.рф»

1. Традиция перевода Откровения на язык тех народов, в среде которых происходит проповедь, — исходная для христианства. Господь наш Иисус Христос, как известно, проповедовал Царство Божье на еврейском и арамейском языках. Но все евангелия и апостольские послания были написаны уже на греческом языке. То есть миру Благая Весть о Христе сразу была передана в переводе. В дальнейшем развитии церкви, в ее распространении, мы видим и новые переводы Писания, и возникновение молитв и богослужебных чинов сразу на нескольких языках: греческом, латинском, сирийском, армянском, потом грузинском. Таким образом, переводы и богослужения, и самого Писания — являются Преданием церкви, традицией, берущей начало от апостолов и святых отцов. К сожалению, последующие трагические исторические события — разделение Римской империи, гибель и возрождение Рима, культурное обособление Восточной Римской империи с потерей идеи «всемирности» и переходом к принятию Византии как «греческого» государства, как «греков», а не как «ромеев», — привели к тому, что греческий язык стал практически единственным богослужебным языком. Фактическое развитие в Византии имело только греческое богослужение, и именно оно стало основой богослужения славянского, после переводческих трудов Константина Философа (Кирилла), его брата Мефодия и остальных «седемочисленников». Таким образом, всю историю церкви основным движущим импульсом было и есть понимание, что церковное учение, содержащееся в Священном Писании и Священном Предании, в том числе богослужебном, человек лучше сможет понять, если они будут переданы ему на его родном языке.

2. Несомненно, самым главным и значимым переводом для всех славянских народов является перевод братьев седмочисленников на славянский язык и его историческое развитие, с правками на разные диалекты, правками при патриархе Никоне и более поздними правками XVII–XIX вв. Без изучения этого процесса невозможно понять, каким должен быть новый перевод на современный язык. Очевидно, что основным принципом этого перевода было максимальное сохранение греческого оригинала, вплоть

до того, что переводчики, затрудняясь найти славянский аналог слова и выражения, просто оставляли греческий синтаксис, делали кальку греческого слова, а иногда и просто транскрибировали греческие слова. Например, еще в XIV–XV вв. даже в Символе веры писалось «рожденъ не сотворенъ омооусии отцу имже всьа быша», а русское слово «единосущный» было найдено и введено в богослужебную практику уже позже.

Одной из основных вех переводческой деятельности является создание синодального перевода Библии (1876 г.). Сейчас данный перевод практически полностью вытеснил славянский текст и в проповедях, и в богословской науке, и в курсах богословских дисциплин. В момент появления синодальный перевод был подвергнут жесткой и порой оправданной критике, но сейчас он воспринимается как традиционный, вошедший в сокровищницу церковного предания.

Интересная практика перевода самого богослужения сложилась на Балканах. Славянские церкви, получившие независимость и автокефалию в результате гибели Османской империи, в течение XX и частично XXI в. пришли к использованию своих национальных языков в богослужении. Этот опыт еще не получил полноценного исследования и оценки в русском богословии.

Заслуживает изучения опыт служения на национальных языках в Европе: во Франции — на французском языке, в Германии — на немецком, в Англии и США — на английском. Создание различных английских переводов выявило совершенно разные подходы к переводческой проблеме, сравнение которых может быть интересно как литургистам, так и экклесиологам. Так, например, перевод Американской архиепископии Константинопольского патриархата сделан с максимальным упрощением в целях большей понятности, с потерей многочисленных образов и смыслов византийской поэзии, но с сохранением основного магистрального смысла; перевод Русской зарубежной церкви более поэтичен, более глубок, но и менее понятен; перевод Сурожской епархии в Англии использует специально архаизированный английский язык.

3. Вопросы о языке и границах церкви связаны напрямую. К разделению в церкви на «мирских» и «духовных» как раз и привело: 1) многовековое различие разговорного и богослужебного языков; 2) сложный церковнославянский язык, требующий специального длительного изучения; 3) наличие в церковносла-

вянском языке множества откровенно греческих конструкций и обилия специальных терминов и поэтических образов, недоступных без исторического контекста, что делает богослужебные тексты совершенно непонятными «простым» людям, без специального богословского образования. В поместных церквях, где язык богослужения более понятен, наблюдается более здоровое экклезиологическое сознание у мирян и церковной иерархии.

4. Самая главная проблема перевода богослужения в том, что абсолютным большинством верующих непонимание текстов богослужения не воспринимается как проблема. Даже среди духовенства очень распространено убеждение, что проблема непонятности богослужения существует лишь потому, что кто-то не хочет учить мертвый язык, а не потому, что этот язык устарел уже больше трех веков назад.

Вторая серьезнейшая проблема — это качество самих греческих оригинальных текстов. Особенно это касается изменяемых частей богослужения. Славянский язык своей поэтичностью и полупонятностью скрывает их богословские и литературные недостатки, и они остаются в богослужебном использовании. Очевидно, что перевод на понятный язык поставит серьезный вопрос о пересмотре всего литургического предания церкви, т. е. о написании новых текстов и серьезном богословском редактировании старых.

Третья очень серьезная проблема в отсутствии у большинства прихожан потребности в понимании богослужения, привычка к церковнославянскому языку богослужения. Можно даже немного полемически сказать, что они уже привыкли ничего не понимать, и ничего не хотят здесь менять. Попытки в некоторых храмах частично русифицировать язык богослужения показывают, что прихожане не особо вслушиваются в смысл произносимых слов. Нужны какие-то пастырские меры, чтобы обозначить эту проблему перед прихожанами и побудить их к более внимательному участию в богослужении.

Четвертой серьезной проблемой является отсутствие переводов всего комплекса богослужебных текстов. Нет, например, ни одного перевода на русский язык Типикона, только частично переведен Октоих. Большой проблемой является также отсутствие перевода промежуточного, сохраняющего привычную всем архаику текстов. Большая часть духовенства не принимает перевод

сразу на современный русский язык. А промежуточного варианта русифицированного перевода с максимальным сохранением понятных славянских слов, с заменой устаревших, непонятных, и с правкой греческого синтаксиса на славянский, как в переводах канонов еп. Августином (Гуляницким) и Великого канона св. Андрея Критского митр. Никодимом (Ротовым), на настоящий момент не существует.

5. Главная возможность, которую открывает перевод, это, разумеется, изменение массового религиозного сознания большей части постоянных прихожан с магического восприятия богослужения на христианское. Переход от таинства личного освящения к Таинству Церкви, потребность увидеть в стоящем рядом в храме человеке брата или сестру во Христе и воплощение этого на практике. Осознаваемая большинством духовенства задача построить общину не решается без решения проблемы перевода.

Перевод богослужения может дать импульс к появлению большего количества «взрослых христиан», людей, христианская вера которых осмысленна, а мировоззрение цельно и твердо. Этот же процесс является и самой большой возможной проблемой. Огромное число наших невоцерковленных крещеных нами собратьев по вере, все христианство которых заключается в обращении время от времени к обрядам церкви, могут не принять подобных изменений. Из-за перевода мы можем увидеть отток из храмов как постоянных прихожан, для которых поэтика и ритмика славянского богослужения стали единственной формой известного им правильного богопочитания, так и так называемых захожан, воспринимающих священников как нечто среднее между жрецом и шаманом. Понятные богослужебные тексты вступят в явное противоречие с ожиданиями последних, создадут конфликт мировоззрений, что приведет к оттоку этих людей с их «свечками и записками», которые, увы, до сих пор являются основной частью дохода многих приходов. Этот отток может стать серьезной проблемой в обеспечении работы храма, пока в нем еще будет формироваться крепкая христианская община, способная взять на себя необходимые заботы. Поэтому, конечно, любые действия в этом направлении нужно предпринимать очень аккуратно, обдуманно и постепенно.

6. Все-таки всеми в нашей стране православие воспринимается как место сохранения традиций, как что-то из прошлого; со-

временный русский язык — слишком сильный разрыв формата. Большинство опрошенного мной духовенства, осознающего проблему непонимания прихожанами текстов богослужения, не готовы служить на русском, даже если такое разрешение будет дано. Архаизированный, церковнорусский перевод с максимальным сохранением всех понятных славянских слов — действительно то, что остро необходимо нашей церкви как промежуточный этап. В итоге мы пришли ровно к тому же, о чем более чем 140 лет назад писал свт. Феофан Затворник: «Перевесть не на русский, а на славянский язык. Опыты уже деланы были... И благоговейно, и понятно» [Феофан, 144]. За столько лет в этом направлении никаких серьезных практических шагов сделано так и не было, а именно это нужно и актуально именно сейчас, по моему мнению. К полноценному служению в большинстве храмов Русской церкви на обиходном русском языке пока не готовы ни наше духовенство, ни наши прихожане, и это уже совершенно очевидно. Нужно менять подход к самому переводческому процессу. Нужен именно новый богослужебный язык. Не славянский, но и не русский. Церковнорусский. Язык высокой проповеди, язык богословия, язык, который сохранит жемчужины славянского и вернет понимание за счет активного использования синтаксиса русского языка.

Источники

1. *Адаменко 1924* = Адаменко Василий, священник. Служебник на русском языке. Н. Новгород : [б. и.], 1924. XII, 122 с.
2. *Адаменко 1925* = Адаменко Василий, священник. Порядок всенощного богослужения на русском языке. Н. Новгород : [б. и.], 1925. [2], 80 с.
3. *Адаменко 1927* = Адаменко Василий, священник. Что делать? (О неотложных реформах в богослужебной практике Русской Православной Церкви). Самара : Церковная жизнь, 1927. 23, [1] с.
4. *Документы* = Документы II Ватиканского собора. М. : Paoline, 2004. 710 с.
5. *Житие Константина* = Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Вступ., пер., комм. Б. Н. Флори. М. : Наука, 1981. С. 70–92.
6. *Житие Мефодия* = Житие Мефодия // Сказания о начале славянской письменности / Вступ., пер., комм. Б. Н. Флори. М. : Наука, 1981. С. 93–101.

7. *ЛБ* = Православное богослужение : В пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 2 : Последование таинства Евхаристии : Литургия св. Иоанна Златоуста. 3-е изд., испр. и доп. / Пер. свящ. Георгия Кочеткова и др. М. : СФИ, 2015. 288 с.
8. *Служебник* = Служебник. М. : Издательский совет РПЦ, 2003. 464 с.
9. *Феофан* = Феофан Затворник. Письмо 289 // Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М. : Изд. Афонского русского Пантелеимонова монастыря, 1898. С. 142–144.
10. *Sluzhebnik* = Libro del Celebrante — Sluzhebnik. V. 1 : Liturgia di San Giovanni Crisostomo. Liturgia di San Basilio Magno / Patriarcato di Mosca; Amministrazione delle Parrocchie d'Italia. Bologna : Cura di Valerio Polidori, 2014. 168 p.

Литература

1. *Зизиулас* = Иоанн (Зизиулас), митр. Бытие как общение : Очерки о личности и Церкви. М. : СФИ, 2006. 280 с.
2. *Котт* = Котт В. К. История переводов православных богослужебных текстов на русский язык в XVIII–XX вв. Духовно-просветительский аспект // Свет Христов просвещает всех : Альманах СФИ. 2007. № 1. С. 22–29.
3. *На встрече с паствой* = На встрече с паствой «В гостях у епископа». 20 февраля 2020 г. URL: <https://tvereparhia.ru/life-root/news/eparkhiya/pa-vstreche-s-pastvoy-v-gostyakh-u-episkopa/> (дата обращения: 18.09.2020).
4. *Turner* = Turner V. The Ritual Process : Structure and Anti-Structure. New York : Aldine De Gruyter, 1969. 213 p.
5. *Zizioulas* = Zizioulas John. Being as Communion : Studies in Personhood and the Church. Crestwood, NY : St Vladimir's Seminary Press, 1985. 270 p.

Translations of Divine Services into Modern Languages

Interview with Fr. Georgy Kochetkov, S. Parenti, E. Velkovska, P. Vassiliadis, A.G. Kravetsky, A.V. Subochev

The theme of the language of worship and liturgical translations in the Russian Orthodox Church started to be intensively discussed in the second half of 19th — early 20th centuries, inter alia in connection with the preparation of the 1917–1918 Local Council. However, the discussion was stopped for the entire period of Soviet power and resumed only in the 90s of the twentieth century. It is important to consider the issue of translating divine services into modern

languages in a historical context, taking into consideration the experience of other local churches. It is necessary to discuss theological, philological, cultural and pastoral problems that arise in translating certain texts of divine service; there is also a need for a joint search for ways to resolve them. The question of the language of worship is closely related to the question of the boundaries of the Church assembly, the full responsibility and participation of the laity in the sacraments of the Church, and therefore it is also directly related to the issues of revival and renewal of Church life. The interview includes responses from liturgists, philologists and translators of the divine service, who consider the positive and problematic aspects of this topic using historical examples and modern translation experience.

KEYWORDS: liturgics, language of worship, modern liturgical translations, translation activities of Cyril and Methodius, church assembly, liturgical revival.

References

SOURCES

1. Adamenko Vasily, priest (1924). *Sluzhebnik na russkom iazyke* [The Service Book in Russian]. Nizhny Novgorod : [s. l.] (in Russian).
2. Adamenko Vasily, priest (1925). *Poriadok vsenoshchnogo bogoslužheniia na russkom iazyke* [The Order of the All-Night Service in Russian]. Nizhny Novgorod : [s. l.] (in Russian).
3. Adamenko Vasily, priest (1927). *Chto delat'?* (*O neotložnykh reformakh v bogoslužebnoi praktike Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*) [What to do? (On urgent reforms in the liturgical practice of the Russian Orthodox Church)]. Samara : Tserkovnaia zhizn' Publ. (in Russian).
4. *Dokumenty II Vatikanskogo sobora* [The documents of the second Vatican Council]. Moscow : Paoline Publ., 2004 (Russian translations).
5. Feofan Zatvornik (1898). "Letter 289", in *Sobranie pisem sviatitelia Feofana* [Collection of Letters by St. Theophan], v. 2, Moscow : Afonskii russkii Panteleimonov monastery' Publ., pp. 142–144 (in Russian).
6. Florya B. N. (transl.) (1981). "Life of Constantine", in *Skazaniia o nachale slavianskoi pis'mennosti* [Legends about the beginning of Slavic writing], Moscow : Nauka Publ., pp. 70–92 (in Russian).
7. Florya B. N. (transl.) (1981). "Life of Methodius", in *Skazaniia o nachale slavianskoi pis'mennosti* [Legends about the beginning of Slavic writing], Moscow : Nauka Publ., pp. 93–101 (in Russian).

8. Kochetkov George, priest (transl.) (2015). *Pravoslavnoe bogoslužhenie* [Orthodox Worship], v. 2 : Liturgiia sv. Ioanna Zlatousta [Liturgy of St. John Chrysostom], 3 ed., Moscow : SPhI Publ. (in Russian).
9. *Libro del Celebrante — Sluzhebnik, v. 1 : Liturgia di San Giovanni Crisostomo*. Liturgia di San Basilio Magno / Patriarcato di Mosca; Amministrazione delle Parrocchie d'Italia, Bologna : Cura di Valerio Polidori, 2014.
10. *Sluzhebnik* [The Service Book]. Moscow : Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2003 (in Russian).

LITERATURE

1. Kott V. K. “The history of translations of Orthodox liturgical texts into Russian in the 18th — 20th centuries. Spiritual and educational aspect”, *Svet Khristov prosveshchaet vsekh : Al'manakh SPhI*, 2007, iss. 1, pp. 22–29 (in Russian).
2. *Na vstreche s pastvoi «V gostiakh u episkopa», 20 fevralia 2020 g.* [At the meeting with the flock “Visiting the Bishop”, February 20, 2020], available at: <https://tvereparhia.ru/life-root/news/eparkhiya/na-vstreche-s-pastvoy-v-gostyakh-u-episkopa/> (18.09.2020) (in Russian).
3. Turner V. (1969). *The Ritual Process : Structure and Anti-Structure*. New York : Aldine De Gruyter.
4. Zizioulas John (1985). *Being as Communion : Studies in Personhood and the Church*. Crestwood, NY : St Vladimir's Seminary Press. (Russ. edition: Moscow : SPhI Publ., 2006).

Переводы богослужения на современные языки. Интервью со свящ. Георгием Кочетковым, С. Паренти, Е. Велковска, П. Василиадисом, А. Г. Кравецким, А. В. Субочевым // Вестник Свято-Филаретовского института. 2020. Вып. 36. С. 100–128.
DOI: 10.25803/SFI.2020.36.4.004